Опальная пьеса

К 100-летию литературной деятельности Валерия БРЮСОВА

«Лит. Россия. — 1994. — 18 февр. — С. 12.

В ПОСЛЕДНЕЕ десятилетие усилился и не снижается читательский интерес к поэзии «серебряного века» (т.е. начала XX столетия), к таким выдающимся представителям ее, как А.Блок, Н.Гумилев, А.Ахматова, О.Мандельштам, Б.Пастернак, М.Цветаева. Но гораздо реже теперь вспоминается имя В.Брюсова, хотя он был одной из центральных фигур жизни тех лет. К нему тянулись многие молодые поэты и литераторы, считавшие его своим наставником, учителем, мэтром.

Теперешнее равнодушие к Брюсову можно отчасти объяснить меньшей, чем у названных выше поэтов, лиричностью и эмоциональностью его творчества, большей рассудочностью и книжностью его поэзии.

Но главная причина этого равнодушия заключается в другом.

В наше время решительных переоценок исторических и культурных явлений прошлого симпатии и сочувственное внимание любителей поэзии привлекают главным образом поэты с трагической судьбой, вступившие в конфликт с советской властью и гонимые ей. Брюсов к этой категории писателей не принадлежал.

В бурные дни Октябрьской революции он после недолгих размышлений встал на ее сторону и даже вступил в ряды коммунистической партии.

Конечно, этому решительному шагу предшествовал большой и сложный, исполненный противоречий путь. Молодой Брюсов начинал как крайний индивидуалист-декадент, отстаивавший независимость искусства от всякого подчинения. Поэзия автора пой землей, скрытые существования поэтического времени проводят в заметенных тропинках. Большую часть Господу, все они — как на ладони. Иные отрытым небом, все их величия видны размышлениях. Сегодня все время под знаменами Шаховского...

В заключение — о весьма знаменательном в романе Кряжова разделении пространства между борцами за честь и их антиподами. Сегодня и офицеры русской армии находятся все время под ударами. Все они — как на ладони. Иные Господу, все их величия видны размышлениях. Большую часть поэтического времени проводят в заметенных тропинках, скрытые от людей. Поэзия автора пой землей, скрытые

Рядом Кряжова показывает революционеров, людей умных (бесспорно), действенных, тщательно просчитывающих свои ходы. В том и сильная сторона романа, что здесь автор не снисходит до пропеска. На страницах книги не какие-

раз и нужна молодая идеология. Для него трудная кампания использована политического смысла: славянское единение не трактуется как укрепление Божественного начала, концентрация и высвобождение творческих сил европейского славянства.

В государстве устанавливается культ правящей личности, культ властителя, кото-

дям я им дам счастие и величие». В

лов Кряжова видит ужасных исторических представителей своих политических оппонентов. (А связь между 70-ми годами и началом XX века была весьма тесной: один пример братьев Ульянова.)

В «Царедворцах» мы наблюдаем, как события хода истории России произ-

водят на свет немногочисленную и до поры затаившуюся генерацию, поже-

лавшую ни больше, ни меньше — страну переиначить. Сигнал начинает подавать

ставлю, это неожиданно оказалось в из-

нидо, возникновение его сильным, не

в эти годы также страшное и мрачное: «голод, холод, тьму», слышит пьяную пальбу, проклятия и вопли. Заглядывая

Совершенно ясно, что в фантастических образах трагедии заключено реальное политическое содержание: строительство воздушных кораблей для высадки на Венеру как бы символизирует запрограммированное в Советской стране строительство социализма.

При всей своей художественной схематичности пьеса звучала как серьезное предупреждение новой власти — об опасностях, грозящих стране.

В своем предвидении Брюсов оказался более зорким, чем другие литераторы его времени и, в частности, чем выступавшие на чтении его пьесы в Доме печати участники обсуждения, заявлявшие, что «совершенно невероятен самый факт того переворота, который изображается в пьесе, что в грядущем социалистическом государстве не будет почвы для возникновения диктаторства».

И только ли со сталинщиной перекликается пьеса Брюсова?

Вот, например, центральная, четвертая, сцена, происходящая в зале Съезда народов. Она звучит, увы, очень современно.

Расправляясь со своими противниками, обвиненными в государственной измене, и захватив председательствование на Съезде, Орм так объясняет свои действия: «Знаю, что, введя вооруженную силу в заседание Съезда, мы нарушили конституцию. Но исключительные обстоятельства требуют исключительных мер... Конституция не может ограждать тех, кто вопреки законам является сюда с оружием под одеждой!». Тотчас же после этой речи появляются милиционеры (любопытно, что их функции выполняют дрессированные шимпанзе),

приведен к такому заключению... Скорее всего, Тер-Маркарян говорит о безумце, которая **неизбежно** — как первый вскрик ребенка, как первая любовь — хоть одинединственный раз за всю жизнь да предстает перед каждым человеком. И прежде, чем пойдет приблизится к этой безумне, он прошел сквозь «чистилище» так называемых вечных вопросов: в чем смысл жизни? что есть человек? какова его предназначение на земле?..

преданность государственных